

— Разве ты не говорил, что в лесу нет диких зверей? — спросил Сюй Шуанцы. — Откуда тогда взялась эта кошка?

— Не знаю, — отозвался Цин.

У Сюй Шуанцы теперь имелся собственный Большой Кот, так что до прочих сородичей ему не было никакого дела. Раз Цин не стал выгонять чужака, значит, тот не представлял угрозы. Размыслив об этом, Сюй Шуанцы тут же выбросил всё из головы.

День выдался на редкость погожим.

Солнечные лучи пробивались сквозь кроны деревьев, заливая пещеру ярким светом. Если посмотреть наружу из грота, взору открывалось ослепительно-синее небо с белоснежными облаками — совсем как на Земле.

Может, он всё ещё дома?

«Бред. На Земле дикие тигры с волками не разговаривают».

Первостепенной задачей с приходом весны стала уборка пещеры, успевшей за зиму изрядно подсыреть.

Сюй Шуанцы скинул верхнюю тяжелую шкуру, закатав рукава и приготовившись к серьезной работе.

Первым делом он выгреб золу, копившуюся несколько месяцев, и отнес её наружу. В будущем, если удастся что-нибудь высадить, она пригодится как удобрение.

Оставшиеся дрова он аккуратно сложил поленницей.

Сгрудившиеся в углу плетеные корзины и коробка расставил по местам.

Связанным из жестких листьев веником подмел полумрак пещеры, не оставив ни пылинки даже в самых дальних углах.

Перемыл всю посуду: глиняный кувшин для воды, кадушку для соленого раствора, горшки да плошки. А затем тщательно протер сплетенные за зиму бамбуковые кресла, стол и этажерку...

Сюй Шуанцы так усердно наводил порядок, что Цин стал только путаться под ногами, и субоборотень без зазрения совести выставил его наружу.

Цин некоторое время постоял у входа, наблюдая за суетой. Поняв, что Сюй Шуанцы на него не обращает внимания, он удрученно опустил хвост.

Солнце приятно припекало густую шерсть.

Покружив у входа, Цин улегся на плоский валун. Лучи играли на его спине, отчего белоснежный мех переливался, точно шелк.

Прислушиваясь к шорохам в глубине пещеры и глядя на непроходимую чашу, Цин подумал: «Похоже, Шуан начинает считать эту пещеру своим домом. Неужели он не хочет вернуться в родное поселение? Если попросит... что ж, мы долго прожили бок о бок, я мог бы отвести его назад».

Хлоп!

Тигриный хвост со свистом обрушился на камень.

— Чем-то недоволен?

Хвост мгновенно взъерошился. Цин едва не съездил лапой по физиономии Сюй Шуанцы, внезапно возникшей у самого носа, но вовремя сдержался.

Сюй Шуанцы выпрямился, с улыбкой сжал тигриные уши и слегка потеревил их.

— Ну не дуйся. Весна пришла — замечательная пора!

«Кто знает, может, в этом году Цин притащит целую охапку тигрят...»

Цин уловил в улыбке юноши нечто лукавое и подозрительное. Подняв лапу, он смахнул его руки со своих ушей.

Он воззрился на субоборотня, собираясь задать вопрос, но Сюй Шуанцы уже подхватил деревянный таз и ушел.

Цин тяжело фыркнул.

— Я не дуюсь, — сухо проронил он.

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Хвост бился о камень всё сильнее и ритмичнее.

Сюй Шуанцы оглянулся на звук.

Пусть из-за густого меха морда Большого Кота оставалась бесстрашной, синие глаза сверкали злостью, а нервно мечущийся хвост прямо-таки вопил: «Я в бешенстве!».

Сюй Шуанцы усмехнулся.

«Упрямец. И ведь ни за что не признается».

На генеральную уборку обоих гротов ушла половина утра.

Без лишнего хлама пещеры стали просторными и чистыми. Солнечный свет заливал помещение, поднимая настроение.

Весна вступала в свои права, температура быстро росла. Остатки зимних припасов портятся на жаре быстро, с ними нужно было расправляться.

Впрочем, еды после долгой зимы почти не осталось: одна рыбешка. Даже Цин, страстный любитель рыбы, теперь воротил от неё нос.

Однако польза от такого рациона была очевидной — мех Белого Тигра стал невероятно шелковистым и лоснился на солнце.

После уборки выяснилось, что из еды у них осталось всего одиннадцать рыбин да пять тугих кореньев Сладкого Корня фунтов по пять каждый.

Фруктовый джем благодаря стараниям Сюй Шуанцы почти закончился — оставалось лишь на самом доньшке.

Желтовершинная Трава давно выросла из рациона, а Зеленоухая Трава хоть и оставалась, но вся подгнила, так что Сюй Шуанцы пришлось её выбросить.

На обед Сюй Шуанцы пожарил рыбу.

Специй было кот наплакал, изгаляться не приходилось — все рецепты он прокрутил по кругу раз по десять, так что вкус давно приелся.

Уговаривая Большого Кота съесть хотя бы кусочек, Сюй Шуанцы аж взмок.

Ему казалось, будто он ухаживает за капризным барчуком. Впрочем, несмотря на хлопоты, это доставляло ему удовольствие.

— Завтра нужно выйти, — произнес Цин, присаживаясь рядом. Его мощная туша загородила свет из лаза.

Сюй Шуанцы подвинул свое плетеное кресло чуть в сторону и продолжил сшивать шкуры.

Это была легкая весенняя одежда из тонкого меха.

— Мне пойти с тобой? — спросил он, не отрываясь от работы.

— Да, — коротко буркнул Цин.

Справившись с очередным рыбным обедом, вечером они снова уминали ту же рыбу. Чтобы хоть как-то перебить приторный вкус, Сюй Шуанцы вслед за Цинем стал грызть сочный Сладкий Корень. Только избавившись от назойливого послевкусия, он умылся и юркнул под шкуры.

Проснувшись с рассветом, Сюй Шуанцы захватил плетеный короб, задвинул за собой самодельную дверь и взобрался на широкую спину Цина.

Ранней весной дичи в окрестностях водилось мало. Чтобы добыть настоящей свежатины, требовалось уйти подальше от жилища.

Сюй Шуанцы по привычке укутался в плотную шкуру, прячась от пронизывающего ветра.

Цин уверенно взял направление. Когда он наконец остановился, у Сюй Шуанцы от долгой езды затекли ноги.

Они оказались на высоком склоне холма.

Внизу простиралась широкая долина с прекрасным обзором.

[0121] [0121] Метрах в пятистах от них, в густой траве у самого берега озера, паслось стадо диких зверей.

Цин называл их Пятнистыми Зверями — за уникальный узор из темных пятен на шкуре каждого сородича.

Сюй Шуанцы всматривался вдаль, но с такого расстояния разглядел лишь силуэты: четыре ноги да голова.

— Не уходи далеко, — предостерег Цин.

Сюй Шуанцы кивнул:

— Буду ждать здесь.

Цин скользнул в густые заросли, неслышно подбираясь к добыче.

Сюй Шуанцы тоже хотел посмотреть на охоту, но разглядеть что-либо издалека не представлялось возможным. Путь назад предстоял долгий, и, чтобы не терять время даром, юноша скинул короб и принялся обшаривать окрестности в поисках чего-нибудь съедобного.

Все его знания о здешнем мире ограничивались рассказами Цина.

Тот отлично знал, что ядовито, но вот о съедобных растениях упоминал редко. Приходилось действовать методом проб и ошибок.

Ранняя весна — пора побегов.

Почки, молодой бамбук, свежие стебли трав и даже нераскрывшиеся бутоны — всё могло пойти в пищу.

Сюй Шуанцы тщательно обшаривал кусты и в итоге наткнулся на деревце с сочными съедобными почками. Он обобрал нижние ветки, а затем залез повыше.

Однако улова хватило лишь на то, чтобы слегка прикрыть дно короба.

Вдруг подлесок неподалеку зашевелился.

Сюй Шуанцы решил, что там затаился мелкий зверёк. На всякий случай он осторожно подхватил с земли увесистую дубину.

Скрадывая шаги, он стал подбираться ближе.

Среди переплетенных ветвей кустарника топорщилась кучка сухой травы.

Чем ближе подходил юноша, тем сильнее дрожал этот сухостой.

Занеся палку для удара, Сюй Шуанцы приготовился оглушить добычу.

— Мяу... — раздался писклявый, жалобный звук.

От неожиданности Сюй Шуанцы отшатнулся на шаг.

Сухая трава осыпалась, и наружу выкатился крошечный комочек. Зарывшись задней частью тела в палую листву, котёнок смотрел на него полными слез глазами.

— Не... не убивай нас...

Сюй Шуанцы замер в изумлении и отступил еще на пару шагов.

Увидев, что двуногий отходит, А-Мао вскрикнул. Забыв о страхе, он уткнулся носом в листву, подхватил зубами почти теряющего сознание брата и с трудом вытащил его наружу.

Крошечный котёнок тащил совсем малюсенького; окружающие травинки казались выше этих заморышей.

Сюй Шуанцы с удивлением наблюдал за их потугами: котята не могли сделать и шагу, а старший и вовсе шмякнулся на брюхо.

Заметив, что чужак продолжает пристально за ними наблюдать, а младший брат ранен, А-Мао не выдержал и, сжавшись в комок, жалобно завел тихую песнь.

Голосок был совсем нежным, детским.

Сердце Сюй Шуанцы сжалось от жалости. Превозмогая неловкость, он тихо спросил:

— Вам помочь?

Старший котёнок воззрился на него мокрыми от слез глазами-пуговками:

— Брат...

Ни капли детской настороженности или страха.

Сюй Шуанцы осторожно приблизился и присел на корточки:

— Что с ним?

— Еда... есть хочется, — пропищал А-Мао.

— Можно я его возьму?

Котёнок сам поплелся к его ногам, держа братика в зубах. Оба были худыми, заморенными, и непрерывно дрожали от холода.

Сюй Шуанцы не выдержал: он бережно подхватил подмышки обоих и усадил себе на колени.

Под пальцами ощущались лишь хрупкие ребра.

Прислонившись спиной к стволу дерева, Сюй Шуанцы достал захваченный из дома кусок сушеной рыбы.

Рыба была чистой, без специй. Он оторвал кусочек размером с ладонь и положил на широкий лист перед старшим котёнком, чтобы тот ел сам. Затем, бережно приподняв головку младшего, попытался скормить ему крошечные волокна рыбы.

Заметив на лапке малютки глубокую, до самой кости, рваную рану, Сюй Шуанцы нахмурился, стараясь действовать еще нежнее.

К счастью, инстинкт самосохранения взял своё: уловив запах пищи, малютка сам стал с жадностью открывать ротик.

Скормив несколько кусочков, Сюй Шуанцы аккуратно напоил его водой из фляги.

Опасаясь, что малыш замерзнет, он снял с плеч мягкую шкурку, укутал кроху и прижал к груди.

Второй котёнок к тому времени уплел свой кусок. Только что плакавший навзрыд малыш теперь с невозмутимым видом умывал мордочку.

«Ну и отчаянные эти детёныши», — ухмыльнулся Сюй Шуанцы.

— Что у твоего брата с лапой?

— За еду... дрались. И он упал, — покорно ответил А-Мао, выпрямившись.

Ростиком он не доставал юноше даже до середины голени.

Шерстка у него была серо-бурая, глазки округлые, а вдоль мордочки, лба и ушей тянулись четкие черные полосы.

Сюй Шуанцы осторожно поинтересовался:

— А где ваши родители?

Котёнок снова завел свою жалобную песнь.

Сюй Шуанцы тут же спохватился:

— Ладно, ладно, молчу! Не буду спрашивать.

А-Мао ласково ткнулся лбом в его руку, в его глазах светилось абсолютное доверие.

Он решился вывести братика наружу лишь потому, что чувствовал: этот субоборотень не причинит им зла. Поэтому он был готов открыться...

— Отца больше нет.

Бедный малыш.

Сюй Шуанцы сжалился и погладил его по худощавой спинке.

Он спрятал обоих за пазуху, решив дождаться Цина и обсудить, нельзя ли приютить пару подрастающих котиков.

Цин вернулся быстро.

Не прошло и получаса, как Белый Тигр уже приволок туши двух Пятнистых Зверей.

Но едва приблизившись, он тут же вперил тяжелый, налитый яростью взгляд в оттопыренный карман шкуры на груди субоборотня.

Сюй Шуанцы от такого взгляда аж сжался, но честно признался:

—... Подобрал двух котят.

На морде Цина невозможно было прочесть эмоции, но взгляд оставался ледяным:

— Хочешь оставить?

— Я просто хотел спросить тебя: ты не против?

— Против, — отрезал Цин.

Сюй Шуанцы обомлел.

— И... что с ними делать?

— Как жили раньше, так пусть и живут.

Цин продолжал буравить его взглядом, и юноше ничего не оставалось, как вытащить свёрток.

Котята уже проснулись и, учуяв дух мощного хищника, забились в самый уголок, дрожа как осиновые листья.

Цин поддел лапой край шкуры.

Долго и пристально вглядываясь в съёжившихся малышей, он наконец наклонился и сгреб свёрток зубами.

— Возвращаемся, — буркнул Цин и опустил на брюхо.

Сюй Шуанцы с недоумением залез к нему на спину.

«Неужели всё-таки разрешил забрать?»

Как бы не так.

Цин махнул на север. Мчался он не слишком быстро, а к середине дня и вовсе остановился.

— Перекусим, — хвост тигра смахнул соринку с ноги Сюй Шуанцы.

Юноша кивнул и развел костер для жарки мяса.

Цин опустил свёрток с котятами напротив Сюй Шуанцы, а сам скрылся в чаще. Вернулся он с двумя стеблями трав в зубах.

Сюй Шуанцы узнал эти целебные растения — Цин раньше выращивал такие возле их пещеры.

Он тут же бережно достал раненого малютку.

Очистив рану от грязи, он разжевал травы в кашицу, приложил к раненой лапке и туго запеленал полоской кожи.

Все это время котята не издали ни звука.

Старший, А-Мао, заслонял брата своим тельцем, приняв защитную стойку.

Сюй Шуанцы взглянул в их глаза — не по-детски серьезные, не по-детски взрослые — и до него постепенно стало доходить...

«Постой-ка... Меня что, только что провели вокруг пальца эти малявки?»

Он перевел взгляд на Цина.

Тот лишь хмыкнул, всем видом показывая: «Ни капли осторожности. Доверчивый дурачок».

<http://bllate.org/book/20124/1993000>